

**НЕИЗВЕСТНЫЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК-ЛЕКЦИЯ
В. И. ДМИТРИЕВОЙ О ТУРГЕНЕВЕ
(Писатель в зеркале «характеристических деталей»)**

*Вступительная статья Т. В. Соколовой,
подготовка текста и комментарии Г. Л. Медынцевой и Т. В. Соколовой*

...Кто все детали передает — пропал;
надо уметь схватывать одни *характери-
стические* детали; в этом одном и состоит
талант, и даже то, что называется творче-
ством.

И. С. Тургенев.¹

В рукописном фонде писательницы-народницы Валентины Ионовны Дмитриевой (1859–1947) в Государственном Литературном музее хранится ее ранее не публиковавшийся очерк об И. С. Тургеневе,² который представляет собой интереснейшее свидетельство младшей современницы как о писателе, так и о восприятии его биографии и творчества народнической и демократической средой.

В. И. Дмитриева ныне практически забыта и известна лишь узкому кругу исследователей, но именно ее выдающийся талант отмечал А. М. Скабичевский, обратив внимание на то, что «это первая писательница на Руси, вышедшая прямо из народа».³

---

¹ ПССиП(1). Письма. Т. 13. Кн. 2. С. 38. Письмо к Я. П. Полонскому от 10 (22) сентября 1882 г.

² ГЛМ. Ф. 11. Оп. 1. № 148.

³ Скабичевский А. М. История новейшей литературы 1848–1903 гг. СПб., 1903. С. 400–401.

Она родилась в семье крепостного крестьянина, который покинул имение барина после отмены крепостного права. Семья переезжала с места на место, и это время, как писала Дмитриева в 1890 году в автобиографии, было самым тяжелым, «потому что отец был постоянно в разъездах и поисках какой-нибудь работы, а мать оставалась с детьми часто без всяких средств к существованию. Я была самая старшая и поэтому должна была помогать матери в ее трудах и заботах».⁴ В 1870 году семья переехала в Саратовскую губернию, в село Завьялово, где и поселилась у деда, человека зажиточного, и перестала испытывать «вопиющую» нужду. Дмитриева закончила гимназию в Тамбове, работала учительницей в сельской школе, училась на медицинских курсах в Петербурге (окончила их в 1886 г., получив звание врача), сблизилась с народниками, подвергалась дознаниям за распространение нелегальной литературы и арестам, была даже в заточении в Петропавловской крепости (1880), находилась под надзором полиции за политическую неблагонадежность. Пыталась работать в деревне врачом, но из этого ничего не вышло: «...я полтора года прожила в деревне и занималась „вольной практикой“, причем на практике убедилась в полной несостоятельности подобного рода деятельности. Жить приходилось буквально в шалаше, а питаться — картошкой, которую привозили иногда мужики в виде платы за медицинские советы и лекарства. Больше платить им было нечем, а мне скоро не на что стало покупать лекарства, так у нас это дело и не выгорело. В конце 1886 г. я переселилась в Москву, чтобы усовершенствоваться в акушерстве, и занималась в Голицынской больнице, но через год по независящим обстоятельствам должна была переехать в Тверь и, вместо усовершенствования в акушерстве, работала по статистике. В Твери я прожила почти три года, а когда началась холера, я уехала на службу в Воронежскую губернию» и с тех пор окончательно поселилась в Воронеже и посвятила себя исключительно литературной работе».⁵

«Независящие обстоятельства», упомянутые Дмитриевой, это арест и высылка из Москвы в Тверь. В конце 1891 года она поселилась с мужем, Владимиром Аркадьевичем Ершовым (1859–1922), в Воронеже, работала эпидемическим врачом в Воронежской губернии (в том числе, как и А. П. Чехов, на холере в 1892 и 1893 гг.) и занималась литературным трудом. Печаталась в лучших журналах: «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство». О начале своей литературной деятельности писала так: «В Петербурге я познакомилась с покойным Л. О. Котелянским,⁶ известным автором „Чиншевиков“, и он, про-

---

⁴ См.: *Дмитриева В. И.* Автобиографический очерк // Сборник на помощь учащимся женщинам. М., 1901. С. 191–193.

⁵ Там же. С. 193.

⁶ Котелянский Лев Осипович (1851–1879) — писатель, публицист, работал в народе, увлекшись идеей его просвещения; его перу принадлежат «Чиншевики (Очерки южнорусского сельского быта)» (ОЗ. 1877. № 12) и «Очерки подворной России» (Там же. 1878. № 2, 8, 9), руководил внутренним отделом газеты Д. К. Гирса «Русская правда».

читав кое-что из моих рукописей, советовал мне писать. Но первые мои хождения по петербургским редакциям были неудачны, и только в 1880 году один мой рассказ был помещен в „Мысли“, причем издатель этого журнала Л. Е. Оболенский⁷ так ободрил меня своим отзывом о рассказе и сердечным отношением к начинающему автору, что я совсем воспрянула духом. Следующий рассказ, „Ахметкина жена“, появился в „Русском богатстве“, и этому рассказу я обязана знакомством с Н. Д. Хвоцинской.⁸ Она написала мне по поводу его письмо и позвала меня к себе: знакомство с нею оставило глубокий след в моей душе, и я многим обязана этой необыкновенной женщине и замечательной писательнице. Вообще я считаю себя очень счастливой: на жизненном пути своем я встретила столько замечательно хороших людей, что одно воспоминание о них в самые трудные минуты моей жизни поддерживают во мне бодрость духа <...>».⁹

С 1903 года Дмитриева регулярно бывала в Сочи, где познакомилась с Е. П. Майковой (1836–1920), о которой оставила несколько вариантов воспоминаний и некролог,¹⁰ тяготеющие к жанру биографического очерка. В 1919 году она переехала в Сочи. В Воронеже остался ее архив, который пропал, что во времена революции и Гражданской войны было обычным делом. «Зима была суровая, дров не было, и моими рукописями, письмами, даже книгами подтапливали печи», — вспоминала писательница.¹¹ Потом жила преимущественно в Москве, летом — в Сочи, где и умерла в 1947 году. За ее архивом в Сочи в 1948 году была снаряжена экспедиция из сотрудников Литературного музея. Сюда он и пришел, по акту от 9 сентября 1948 года. Директором музея в то время (1946–1954) был Борис Павлович Козьмин (1883–1958), советский историк и литературовед, доктор исторических наук (1935), профессор. Он знал Дмитриеву, и она не раз отмечала его помощь в работе над воспоминаниями о Е. П. Майковой.¹² Инициатором экспедиции, судя по всему, был В. Д. Бонч-Бруевич, создатель и первый директор музея, который с 1945 года был главным редактором его изданий.¹³

---

⁷ Оболенский Леонид Егорович (1845–1906) — русский философ и социолог; проявлял интерес к позитивизму, в частности к О. Контю. В 1880-е гг. редактировал журналы «Мысль» и «Русское богатство»; сотрудничал в журнале «Вопросы философии и психологии».

⁸ Хвоцинская Надежда Дмитриевна (1822 или 1824–1889) — русская писательница; писала под несколькими псевдонимами, из которых наиболее известен В. Крестовский.

⁹ Дмитриева В. И. Автобиографический очерк. С. 193.

¹⁰ См. подробнее: Соколова Т. В. Судьбы скрещенья // Ненарушаемая связь. К истории романа И. А. Гончарова «Обрыв». Воспоминания о Е. П. Майковой. Письма. М., 2009. С. 5–38. Далее — *Ненарушаемая связь*.

¹¹ Дмитриева В. И. Екатерина Павловна Майкова (Вера из романа «Обрыв» И. А. Гончарова) // Там же. С. 49.

¹² Там же. С. 49, 83.

¹³ См. выписку из приказа № 159 по Государственному Литературному музею от 19 декабря 1945 г.: ГЛМ. Ф. 287. Оп. 1. № 91.

В. И. Дмитриева. Любительская фотография. 1900-е гг.

В архиве Дмитриевой в ГЛМ хранится целая подборка биографических очерков о русских писателях.¹⁴ Очерки о В. М. Гаршине,¹⁵ И. С. Тургеневе и Н. В. Гоголе связаны с памятливыми датами — 20-летием со дня смерти Гаршина (1908), 25-летием со дня смерти Тургенева (1908), 100-летием со дня рождения Гоголя (1909) — и готовились как лекции, которые, по собственному призна-

---

¹⁴ В описи архива В. И. Дмитриевой (Ф. 11. Оп. 1) значатся следующие не опубликованные ранее очерки: о Л. Андрееве (Д. 124, 125), К. Бальмонте (Д. 127), Н. В. Гоголе (Д. 130), В. Г. Короленко (Д. 134), Д. Н. Мамине-Сибиряке (Д. 140), Н. А. Некрасове (Д. 141, 142), И. С. Никитине (Д. 143), Э. Ожешко (Д. 144), М. Е. Салтыкове-Щедрине (Д. 146), Л. Н. Толстом (Д. 147), Ф. Шиллере (Д. 151).

¹⁵ *Дмитриева В. И.* <Лекция о Вс. М. Гаршине. 1908> // *Ненарушаемая связь*. С. 128–144.

нию писательницы, она читала в Воронежском народном университете и ездила с ними по России.¹⁶ Народные университеты и борьба за их облик, собственно, и стали причиной обращения Дмитриевой к жанру биографического очерка, «публиковавшегося» ею в форме лекции.

В России начала XX века, и особенно в годы первой русской революции, развернулось движение за создание народных университетов. Начиная с 1905 года принимаются многочисленные решения об открытии подобных учреждений, проводятся сборы пожертвований, создаются общества народных университетов. К концу 1907 года было зарегистрировано около 15 обществ народных университетов.

Основу преподавания в народных университетах составляла лекционная деятельность, а слушателями были преимущественно рабочие и служащие с невысоким образовательным уровнем: большинство окончили два-три класса начальной школы, встречались и неграмотные.

С февраля 1907 года начало работать Воронежское общество народных университетов, в деятельности которого принимала участие и В. И. Дмитриева, читавшая в разных городах Воронежской губернии лекции по литературе и на общественные темы. Председателем правления Общества был Сергей Петрович Буренин,¹⁷ врач, брат известного критика и фельетониста В. П. Буренина.

Как отмечает мемуаристка, в Обществе сразу же развернулась борьба вокруг программы Университета,¹⁸ поскольку «занятия начались без всякого плана — так, как „укажет сама жизнь“». Для чтения лекций были приглашены врачи и преподаватели гимназии, семинарии, реального училища. Читали русскую историю, анатомию, историю русской литературы <...>.¹⁹ Дмитриева же и ее единомышленники были сторонниками иной точки зрения на работу Народного университета, полагая, что за привлечение аудитории нужно бороться, учитывая при этом опыт народного образования и постановки дела на Западе, где народные университеты считались средством преодоления классовых, конфессиональных и прочих различий, способствовали единению нации и создавались для решения задачи духовного и нравственного образования человека. Подобные цели требовали преодоления устаревших педагогических шаблонов и предоставления самим слушателям определенной свободы в выборе наиболее важных для них тем и научных дисциплин.²⁰

---

¹⁶ *Дмитриева В. И.* Екатерина Павловна Майкова (Вера из романа «Обрыв» И. А. Гончарова). С. 81.

¹⁷ Памятная книжка Воронежской губернии на 1908 г. Воронеж, 1908. С. 33. <https://ivaldi.nlr.ru/bx000002000/view#page=449> (дата последнего обращения: 24.10.2015).

¹⁸ См.: *Дмитриева В. И.* Так было (Путь моей жизни). Часть вторая. Л., 1931. С. 99. Верстка с авторской правкой: *ГЛМ*. Ф. 11. Оп. 1. № 176. Опубликовано: *Дмитриева В. И.* Так было (Путь моей жизни). Воронеж, 2015.

¹⁹ Там же. С. 101.

²⁰ Там же. С. 103, 105.

Нужно отметить, что аналогичная полемика происходила на Первом Всероссийском съезде деятелей обществ народных университетов и других просветительных учреждений частной инициативы, который состоялся в Петербурге в начале 1908 года.

Дмитриевой, участвовавшей в работе съезда, более всего запомнились два выступления — А. М. Коллонтай (1872–1952) на съезде и М. М. Ковалевского (1851–1916) на товарищеском ужине после его закрытия.

Коллонтай отстаивала радикальные позиции в отношении деятельности народных университетов, требовала усиления роли профсоюзов и переориентации на городской пролетариат. Совершенно в ином духе было выдержано выступление Ковалевского, который спокойно и обоснованно, опираясь на свой опыт историка, на факты и сопоставления, показал, что существующий в России порядок вещей не может быть устойчивым, поскольку «революция <...> это нечто вроде геологических катаклизмов, непрерывно меняющих лицо остывающих планет».²¹

По возвращении в Воронеж Дмитриева, суммировав свои впечатления от съезда, решила расширить деятельность секции внешкольного образования, в которую входила, не ограничиваясь более докладами по вопросам педагогики, а заняться практической работой, поэтому «внесла предложение устраивать литературно-вокально-музыкальные вечера, посвященные русским и иностранным писателям <...> Программа вечера должна была быть так построена, чтобы наиболее полно и ярко выявить перед слушателями и личность писателя, и характер его творчества. В самом начале вечера предполагалось прочесть нечто вроде краткого биографического очерка, а затем отрывки из произведений самого писателя вперемежку с музыкальными и вокальными номерами, которые или выбирались из тех же произведений <...> или сами по себе подходили к творчеству писателя <...>».²² Все вместе, по замыслу автора проекта, должно было рельефно представить среду и эпоху. За биографические очерки писательницей Дмитриева взялась сама.

Первым в цикле стал вечер, посвященный памяти Гаршина:²³ «Выбор пал именно на этого писателя, во-первых, потому что время (март месяц) совпадало с годовщиной его смерти, а затем в биографическом очерке, составлять который я взяла на себя, мне хотелось особенно оттенить известный эпизод из жизни Гаршина, когда он, уже полубезумный от ужасов того времени, ходил к диктатору Лорис-Меликову просить помиловать Молодецкого, только что неудачно покушавшегося на его жизнь. Вечер был обставлен с большой помпой. Художница Бенедико²⁴ нарисовала прекрасный портрет писателя почти в натуральную величину; он был помещен на эстраде, декорирован зеленью, черным крепом,

---

²¹ Там же. С. 110.

²² Там же. С. 115.

²³ Там же. С. 116–117.

²⁴ О ней ничего выяснить не удалось.

цветами, кто-то принес даже букет красных гвоздик и приколот его к черному крепу, отчего получилось эффектное красочное пятно. Перед чтением был сыгран на рояле шопеновский похоронный марш. После биографии, которую я закончила своим собственным стихотворением, посвященным Гаршину, были прочитаны <произведения> самого Гаршина — „Четыре дня на поле сражения“²⁵ в сокращении <...> „Красный цветок“, стихотворение Минского „На смерть Гаршина“,²⁶ и в заключение певица спела романс на слова Надсона „Пусть арфа сломана — аккорд еще рыдает“.²⁷ Успех вечера получился совсем неожиданный; публики набралось масса, пришло много рабочих, которым были разосланы билеты через профсоюзы <...>“.²⁸

Поскольку на ближайшем заседании секции внешкольного образования «все единогласно признали, что вечер прошел хорошо и произвел сильное впечатление»,²⁹ за ним последовали другие вечера: «За все время существования секции в последовательном порядке и по одному и тому же типу нами были проведены следующие вечера: Некрасова, Тургенева, Островского, Кольцова, Никитина, Шекспира, Шиллера, Толстого, Элизы Ожешко и, наконец, уже во время войны, перед самой революцией, последний — „Вечер Польши“».³⁰ География деятельности секции впоследствии расширилась и более не ограничивалась только Воронежем. Дмитриева теперь ездила со своим проектом по губернии, в которую входили 12 уездов. Воронежская губерния представляла собой крупный регион России, имевший развитую экономику и культуру, с почти трехмиллионным населением, включала часть нынешних Липецкой, Курской, Белгородской и бывшей Харьковской областей, куда и ездила со своими лекциями Дмитриева, о чем свидетельствует сохранившаяся программка лекции о Гаршине,³¹ читанной 9 марта 1913 года в Липецком Петровском обществе.³²

---

²⁵ Известен как «Четыре дня. Один из эпизодов войны». Впервые: *ОЗ*. 1877. № 10. С. 461–474. В массовом издательстве «Посредник» в 1886 г. рассказ вышел в сокращенном и частично переработанном виде под названием «Четыре дня на поле сражения. Рассказ солдата с отрезанной ногой». См. подробнее: *Дмитриева В. И.* <Лекция о Вс. М. Гаршине. 1908>. С. 129, 208.

²⁶ Имеется в виду стихотворение Н. М. Минского «Над могилой В. Гаршина» («Ты грустно прожил жизнь. Большая совесть века...», 1888).

²⁷ Имеется в виду стихотворение С. Я. Надсона «Не говорите мне: „Он умер“. Он живет!...» (1886).

²⁸ *Дмитриева В. И.* Так было (Путь моей жизни). С. 117.

²⁹ Там же. С. 117.

³⁰ Там же. С. 117–118.

³¹ *ГЛМ*. Ф. 11. Оп. 1. № 129. Л. 9.

³² Общество было создано в январе 1909 г. для распространения научных и практических знаний. Основатель — Михаил Павлович Трунов (1867–1942), краевед, действительный член Воронежской и Тамбовской ученых архивных комиссий, член Воронежского церковно-историко-археологического комитета. Общество являлось первым в Липецке краеведческим и научно-просветительским общественным

В. И. Дмитриева в группе (сидит у столика справа). Фотография. 1910-е гг.

Биографические очерки, написанные В. И. Дмитриевой в это время для подобных вечеров, а также впоследствии для иных научно-просветительских нужд и сохранившиеся в ее архиве в ГЛМ, ранее, как уже отмечалось, не публиковались. Исключение составляет очерк о Вс. Гаршине.

В посвященной Дмитриевой энциклопедической статье нового словаря Брокгауза и Ефрона писательница и критик Е. А. Колтоновская (1870–1952) охарактеризовала ее как «писательницу старой реалистической школы», отметив, что «по манере письма она ближе всего стоит к Тургеневу».³³

Рукопись лекции Дмитриевой о Тургеневе автором не датирована, но в заключительной части текста имеется прямое указание на то, что ее возникновение связано с 25-летием кончины Тургенева, которое приходилось на 1908 год. Однако отмечалось это памятное событие в 1909 году. То, что рукопись Дмитриевой следует датировать именно этим годом, подтверждают характеристики бумаги, на которой она записана: линованная тетрадка без обложки, сшитая нитками; формат бумаги 180×115 мм. На некоторых листах есть тиснение: «Рига.

объединением, оставившим значительный след в истории и культуре города, а также современной Липецкой области; см. URL: <http://kraeved48.ru/node/7> (дата последнего обращения: 24.10.2015).

³³ Новый энциклопедический словарь: В 48 т. СПб., [1914]. Т. 16. Стб. 399.

№ 6. К.Р.П.Ф.» и внутри — лев с крыльями держит в лапах свиток. Согласно описанию С. А. Клепикова, такую бумагу выпускала Компания рижских писчебумажных фабрик (КРПФ), существовавшая в 1909–1916 годах.³⁴ Таким образом, бумагой нельзя было воспользоваться ранее 1909 года, что совпадает со временем официальных Тургеневских торжеств.

В своих оценках и размышлениях Дмитриева опирается на известные в то время и обнаруживаемые источники (как, например, воспоминания о семье Тургенева В. Н. Житовой, о самом Тургеневе — А. В. Половцева или публикации о Н. Г. Чернышевском Е. А. Ляцкого). Порой ее оценки и впечатления подтверждаются мемуарами, опубликованными позднее (например, воспоминаниями Н. А. Островской), но, возможно, эти мнения бытовали среди современников.

Как уже отмечалось выше, при цитировании источников Дмитриева нередко пользуется текстами, переложёнными и сокращёнными для демократического читателя. В очерке о Тургеневе тексты, ею приведенные, тоже не всегда соответствуют признанным изданиям времени.

В читательское восприятие Дмитриевой, принадлежавшей совершенно иной среде, нежели Тургенев, жизнь, творчество и репутация писателя вошли уже состоявшимися и отчасти мифологизированными, что и отражает биографический очерк, писавшийся как общедоступная и популярная лекция и переводящий факты и обстоятельства жизни писателя, его творчество и их оценку в систему культурных кодов той аудитории, для которой предназначался, понятных ей, а самому автору текста интересных и представляющихся актуальными. Особое значение в этом ряду взаимосвязанных для Дмитриевой событий имеет приведенное в очерке описание похорон писателя, поскольку это прямое и живое свидетельство человека, присутствовавшего на них, видевшего все своими глазами, а потому — свидетельство особо ценное, хотя и не уникальное среди других сохранившихся. Именно благодаря этому свидетельству очерк приобретает историческую конкретность и характер истинности сообщения.

И для широкого читателя, и для профессионалов-филологов статья Дмитриевой имеет значение как документ эпохи, особенно любопытный своей народнической направленностью в оценке и литературных, и общественных тенденций, хотя, на первый взгляд, это и может показаться неожиданным современному читателю, определенным (и иным) образом регулирующему восприятие творчества и личности писателя.

Печатается по подлиннику: *ГЛМ*. Ф. 11. Оп. 1. № 148, с сохранением некоторых авторских особенностей, однако рутинные орфография и пунктуация, оформление текста приведены к современной норме.

Неоценимую помощь при подготовке публикации оказали Е. М. Варенцова (Отдел рукописей и документов ГЛМ) и А. Ю. Бобосов (Книжные фонды ГЛМ).

---

³⁴ Клепиков С. А. Филигранные и штемпели. М., 1959. Раздел «Штемпели», № 2. С. 100.

В. И. Дмитриева

<Лекция об И. С. Тургеневе (1909)>

Иван Сергеевич Тургенев!.. Какое славное, какое знакомое имя, и ни с одним из громких литературных имен не связано столько самых душевных воспоминаний, как с именем Тургенева. Когда вы его произносите, перед вами возникает целый ряд смутно-красивых образов, целая галерея картин русской природы, — то грустно-задумчивых, то озаренных бледным северным солнцем. Мечтательные девушки, *ожидающие* своего героя, красивая фигура русского Гамлета, русского «лишнего человека» с его тоской по идеалу, с его благородными порывами, бесплодно угасшими в мертвой пустыне, русский мужик с загадочным лицом египетского сфинкса, сверкающие дали беспредельной русской равнины, молочный туман лугов и полей, одинокий крик коростеля в овраге, синий дымок костра на берегу реки, тенистые аллеи вековых лип — вся эта поэзия стародворянского быта, стародворянского гнезда, под внешней красотью которого скрывались самые глубокие драмы, самые жестокие страдания искалеченной и оскорбленной человеческой души. Сам Тургенев был одним из типичнейших представителей дворянского гнезда, и, может быть, поэтому никто до него и после него не изображал с такою поразительной силой и всю своеобразную красоту, и все тайные язвы этого далекого, теперь чужого для нас мира. Он вышел из недр старинной родовитой семьи и унаследовал от предков все достоинства и все недостатки господствующего класса. Высокий, широкоплечий, с большой головой и типичным русским лицом, с глубоко сидящими, грустно-внимательными глазами, с тонким голосом и мягкими движениями, Тургенев совместил в себе и богатырские свойства Добрыни Никитича, и аристократическую изысканность последующих поколений, растративших свои могучие силы «в безделье и пирах»¹ за счет закрепощенного народа. В его богато одаренной натуре причудливо сочетались: большой, светлый ум с слабостью воли, сила стремления с нерешительностью, высокие подъемы духа с брезгливой щепетильностью, и несмотря на внешний налет утонченной, западноевропейской культуры, Тургенев до конца дней сохранил свой характерный облик и остался настоящим русским баринном. Грустные впечатления детства еще более развили и укрепили в нем врожденные свойства. Он родился 28 октября 1818 года и вырос в самую мрачную эпоху крепостного права, и детские годы его протекли между властным, суровым отцом и самодуркой-матерью, «среди побоев и стенаний», от которых в доме с утра до вечера стояли стоны и рыдания. Сам забитый и задержанный родительским самодурством, лишенный ласки и нежного участия, мальчик рос боязливо и отчужденно и льнул к тем, которые вместе

с ним несли на себе всю тяготу постылой неволи. Из роскошных отцовских хором, где даже пошевелиться было нельзя, не получив грозного окрика «Сиди смирно!», он тайком убежал в людскую, в девичью, в сад, и там, среди простых людей, среди униженных и оскорбленных, находил участие и ласку, которых жадно искала его детская душа. Отсюда он вынес глубокое отвращение и жгучую ненависть к крепостному праву, здесь родилось и возросло в нем почти любовное чувство к русскому мужику и тогда же он дал себе знаменитую аннибалову клятву² — бороться с вековой несправедливостью, тяготевшею над русской землей.³ Тургенев свято выполнил эту клятву и всю силу своего волшебного пера употребил на то, чтобы воочию показать миру, к каким уродливым явлениям ведет господство человека над человеком, роковым образом обрекая господина на одичание и вырождение, а в рабе, наоборот, развивая самые высокие качества души, что еще более обостряет его страдания. Все крестьянские <и> помещичьи типы взяты Тургеневым непосредственно из жизни, и в строгой бабушке, ссылающей мальчика Ермилку³ за то, что он непочтительно на нее взглянул, в капризной барыне, приказавшей утопить собачку Муму, единственную любовь и радость немого Герасима, Тургенев вывел свою собственную мать,⁴ а в герое рассказа «Первая любовь» несомненно отразились черты его властного и сурового отца.⁵

В университет Тургенев поступил очень рано, 15-ти лет от роду, и через три года окончил курс кандидатом. Учился он с большой охотой и мечтал об ученой карьере, но и здесь встретил препятствие со стороны матери, которая отказала ему в средствах. Таким образом, Тургенев принужден был променять профессорскую карьеру на канцелярию Министерства внутренних дел.⁶ Так крепостные самодуры, обитатели поэтического дворянского гнезда, калечили жизнь не только несчастных рабов, но и своих собственных детей. Но несмотря на мягкость своей натуры, Тургенев не мог смириться с чиновничьей карьерой, и врожденная склонность к науке и литературе взяла свое. В ущерб службе он продолжал учиться и с особым рвением занимался философией, особенно изучением Гегеля, который тогда был «властителем дум» не только западноевропейской, но и русской интеллигенции. Даже сам «неистовый Виссарион», как называли Белинского приятели, даже этот протестант и революционер в душе, отдал в свое время долг гегельянству и в его знаменитой формуле: «всё существующее — разумно!»⁷ искал примирения с ужасающей русской действительностью. Положим, примирение он все-таки не нашел и в конце концов порвал с гегельянством, перестал «кланяться колпаку Федора Федорыча», как шутливо выражался он сам.⁸ Но Тургенев на всю жизнь остался верен тем философ-

---

³ Далее зачеркнуто: Как известно,

ским взглядам, которые были выработаны им в молодости, и ко всем явлениям русской жизни относился не с бурным протестом неистового Виссариона,⁹ не с мрачным и желчным негодованием некрасовской музыки,¹⁰ а с глубоким проникновением дисциплинированного ума и тихой, славянской грустью по недостижимом идеале. Есть критики, в том числе Скабичевский, которые называют Тургенева борцом за свободу;¹¹ мне думается, это не совсем верное определение. Борцом Тургенев не был; борьба требует силы, для борьбы нужна кипучая, деятельная натура, которая не боится никакой грязной и черной работы, не боится клеветы, ударов, мести врагов и измены друзей,¹² которая смело бросается в самую гущу жизни, где и самому приходится толкаться и получать толчки от друзей. Тургенев был на это не способен. Активная борьба была не в его натуре; он был рожден мыслителем, созерцателем, поэтом, но не воином и не пророком. Все резкое, все крайнее ему претило, его отталкивало, и хотя он остался верен своей аннибаловой клятве, хотя в «Записках охотника» создал настоящий обвинительный акт против крепостного права,¹³ но впоследствии, когда заветная мечта его юности осуществилась, когда рухнуло крепостное право и потребовалось вступить в открытый бой с пережитками этого общественного зла, Тургенев испугался бурной волны движения 60-х годов и отступил... И не только отсутствие веры в дело и трезвость ума были этому причиной, но и врожденная вялость натуры, которая в юности подчиняла его деспотизму матери, державшей сына в ежовых рукавицах, а в более зрелые годы заставляла мириться со многим, что было противно его собственным убеждениям. Эта тургеньевская расплывчатость причинила ему много обиды и горя, вызвала его ссору с Толстым,¹⁴ чуть было не окончившуюся дуэлью, привела к разрыву с Герценом¹⁵ и с кружком Некрасова и Добролюбова,¹⁶ а под конец жизни сделала его предметом самой бессовестной эксплуатации со стороны разных проходимцев, которые пользовались его деньгами и рекомендациями для своих личных целей.¹⁷ Тургенев сам хорошо знал свои недостатки и с оттенком грустной насмешливости изобразил их в лице некоторых героев своих рассказов, как например г. NN из «Аси»,¹⁸ убежавший от любимой девушки только потому, что она оказалась незаконнорожденной, Алексей Петрович из «Переписки»,¹⁹ в юности мечтавший о благе родины, а кончивший тем, что чистил хлебом перчатки и бегал за каретой для красивой и пустой итальянской танцовщицы, затем Санин в «Вешних водах»,²⁰ приковавший свою жизнь к колеснице бессердечной и беспутной вакханки — Полозовой, Литвинов в «Дыме»²¹ и много других... Несомненно, имеются автобиографические черты также в рассказе «Пунин и Бабурин»,²² где я отмечу одно характерное место. Когда герой рассказа, будучи уже студентом, посещает своего старого знакомого Бабурина, человека крайних убеждений, тот его сурово спрашивает: «А что, освободили вы своих крестьян?». Студент должен был сознаться, что нет. «А бабка-то ведь

умерла?» Студент и в этом сознался. «То-то вы, господа дворяне... — сквозь зубы проворчал Бабурин. — Чужими руками... жар загребать... вы любите!..»

Конечно, этот горький упрек относился к Тургеневу только отчасти, потому что он после смерти матери сейчас же отпустил своих дворовых на волю, крестьян перевел на оброк, а в 61 году при выкупе уступил им $\frac{1}{5}$ часть лучшей земли, тем не менее это было далеко не то, что требовалось тогда от передового человека, и сам Тургенев это хорошо сознавал. И хотя он сердцем и умом понимал, как никто, что не «всё существующее разумно», хотя глубоко страдал от несправедливости и неустройства жизни, но, кажется, еще больше страдал оттого, что нет у него ни сил для борьбы, ни веры в победу. Как психологический тип Тургенев ближе всего стоит к Гамлету, и для нас чрезвычайно интересно определение Гамлета и его сравнение с Дон-Кихотом, сделанное самим Тургеневым. «Гамлет, — говорит Тургенев, — представляет из себя прежде всего анализ, эгоизм и потому — безверие... Он весь живет для самого себя, он эгоист, но верить в себя даже эгоист не может: верить можно только в то, что вне нас и над нами. Сомневаясь во всем, Гамлет не щадит и самого себя; ум его слишком развит, чтобы удовлетвориться тем, что он в себе находит. Он не верит в себя — и тщеславен; он не знает, чего хочет и зачем живет — и привязан к жизни; он сознает свою слабость, но самосознание есть сила, и отсюда его ирония, полная противоположность энтузиазму Дон-Кихота. А что такое Дон-Кихот? Это воплощенная вера, вера в истину, требующую служения и жертвы. Дон-Кихот энтузиаст, служитель идеи, и потому весь обвеян ее сиянием. Он весь живет для других, для своих братьев, для истребления зла, для противодействия враждебным человечеству силам, волшебникам и великанам, то есть притеснителям. Он весь — самопожертвование; он крепко верит, и оттого бесстрашен, терпелив, отказывает себе во всем, и воля его в борьбе со злом мира — непреклонная воля!»²³ Из этой выдержки, которую я привела, само собой напрашивается сравнение между Тургеневым и Белинским. Белинский — это Дон-Кихот, нищий и больной рыцарь, смиренный сердцем, но смелый и великий духом;²⁴ Тургенев — Гамлет, изящный, поэтический, глубоко-мыслящий и вечно грустный, вечно страдающий оттого, что ненавидит зло, жаждет убить зло — и не в силах это сделать. Русская жизнь и особенно глухая пора 40-х годов,²⁵ когда всякая смелая мысль беспощадно подавлялась, когда всякий светлый порыв подвергался жестокому преследованию, эта пора, говорю я, чрезвычайно способствовала зарождению у нас гамлетовского типа, — высокоодаренного, сознательного, часто всеобъемлющего, но также часто бесполезного и осужденного на бездействие и неподвижность;²⁶ как метко выразился профессор Овсяннико-Куликовский, лишенного возможности «осуществить свою общественную стоимость».²⁷ В жестоких условиях тогдашнего жестокого времени эти люди

являлись «лишними», и вот Тургенев выводит перед нами целый ряд таких «лишних людей». Все они умны, талантливы, все одарены глубоко чувствующим сердцем и прекрасною душой, но их блестящие дарования никому не нужны, всюду их встречает холод, равнодушие, вражда, насмешки, и за «жар души, растроченный в пустыне»,^{6, 28} их ждет впереди или горькое одиночество, или тусклое прозябание и бессмысленная смерть. Вот Чулкатурин²⁹ — человек неглупый, и мысли ему приходят в голову не совсем обыкновенные, но высказать их как-то жутко, и потому именно жутко, что никому они не нужны и не понятны, а когда он все-таки высказывается, хотя и в дневнике, и дневник его после смерти Чулкатурина попадает в руки российскому обывателю, Петру Зудотешину,³⁰ этот самодовольный в своей обывательской мудрости муж кладет на нем свою резолюцию: «Съю рукопись читал и содержание оной нѣ одобрил»!³¹ Вот Рудин,³² блестящий оратор, рожденный быть народным трибуном, увлекательный проповедник прекрасных идеалов далекого будущего — но глупо звучат его призывы к добру и красоте в стране насилия и произвола, бесплодно сохнут его слова на каменистой почве, и сам он, усталый и измученный после бессмысленных скитаний в поисках какого-нибудь живого дела, безжалостно отвергнутый своей родиной, находит смерть на парижских баррикадах... Вот Гамлет Щигровского уезда:³³ он много учился, был за границей, изучал Гегеля и вообще немецкую науку, но что общего между русской жизнью и энциклопедией Гегеля? И бедный русский Гамлет кончает тем, что таскается по соседям, которые относятся к нему пренебрежительно именно потому, что он изучал немецкую науку, обносят его за столом, смотрят на него как на смешного чудака и вообще считают его ни на что негодным и пустым человеком. Он тоже не мог осуществить своей общественной стоимости и грустно размышляет: «Ну, и зачем я пускался за границу? Зачем не сидел дома, да не изучал окружающей жизни на месте? Эх, и рад бы я у нее брать уроки, у русской-то жизни, да молчит она, голубушка»!..³⁴ Вот, наконец, Нежданов...³⁵ Он тоже лишний. Он по натуре эстетик, он пишет стихи и мог бы при лучших условиях быть поэтом. Но писать стихи в то время, когда идет борьба за счастье народа, — позор и стыд, и вот Нежданов, не созданный для борьбы, вступает в ряды революционеров, идет в народ, который его не понимает и которого он не понимает, идет без веры в дело, без надежды победить — и разбитый, потерявший веру и в себя, выстрелом из револьвера кончает свою жизнь. «Вспомни обо мне! — пишет он Марианне перед смертью. — Вспомни, как о человеке честном и хорошем, но которому как-то приличнее было умереть, чем жить...»³⁶ И в самом деле все эти люди — Рудин, Нежданов, Чулкатурин и другие — все честные и хорошие, все одарены талантами и жаждой дела, и все оказываются ненужными, все

---

⁶ Далее зачеркнуто: им приходится расплачиваться,

гибнут бессмысленно и бесполезно. И это у нас, где такая масса необходимой и неотложной работы, где всякое общественное дело чахнет и вянет от недостатка хороших и честных людей!³⁷ Тургенев, этот до мозга костей русский человек, тоже оказался «лишним» у себя на родине и уехал за границу. «Записки охотника» навлекли на него неудовольствие сфер, и он был отмечен как неблагонадежный. Затем письмо его о смерти Гоголя вызвало уже совершенно реальное осуществление этого неудовольствия: Тургенев был арестован и препровожден на съезжую, а через три недели выслан к себе в деревню, где и прожил около двух лет.³⁸ Все эти роскошные дары в награду за талант и труд заставили Тургенева покинуть Россию, а к этому присоединилось еще одно обстоятельство чисто личного характера: Тургенев полюбил знаменитую певицу, Виардо-Гарсиа, и, как один из его героев, навсегда приковал себя к ее триумфальной колеснице.³⁹ С этого времени Тургенев является для России только редким гостем, а когда совершилось освобождение крестьян, у Тургенева произошел разрыв с «Современником»,⁴⁰ и это печальное событие еще более и надолго оттолкнуло его от русской жизни. Я уже вскользь упоминала об этом событии раньше и теперь остановлюсь на нем подробнее. Нужно сказать, что 60-е годы, этот период бури и натиска,⁴¹ вывел на арену русской жизни новую действующую силу — так называемого разночинца.⁴² До этого времени во главе русской интеллигенции стояли преимущественно представители дворянского класса, и им принадлежала руководящая роль как в литературе, так и в жизни. Теперь явился на сцену новый тип — сын дьячка, сын почтальона, мещанин и семинарист, и, властно заявив о своем существовании, внес светлую, демократическую струю в спертый воздух стародворянского гнезда. Наряду с прежними славными и громкими именами в литературе зазвучали новые: Чернышевский, Добролюбов, Решетников, Помяловский, Успенский⁴³ и другие. Эти люди пришли из самых низов жизни и принесли с собою новые слова, новые понятия, небывалую смелость суждений, резкое отрицание отживших форм и стихийный дух разрушения, который, раз вырвавшись на волю, как гётевский Мефистофель из пламени камина, не щадил вместе с старым дурным и старого хорошего. Эта смелая и буйная молодость сразу оттеснила своих умеренно прогрессивных предшественников на второй план и заняла самые крайние позиции. Возможно, что в их победоносном выступлении было много незрелого, чересчур резкого, чересчур поспешного, но яркая, молодая, брызжущая искрами, сверкающая феерическими огнями мысль отвечала настроению проснувшегося от долгой спячки общества и нашла в ней ответный отклик. Зашевелилась глухая провинция, массы

---

* NB. Невольно вспоминается Гоголь, который, озирая вещим оком своим всю беспредельную Русь и не найдя в ней ничего, кроме Мертвых душ, горестно воскликнул: «Боже! Как грустна Россия!..». — *Помета Дмитриевой.*

молодежи, юношей и девушек ринулись в волны общественного потока, в недрах патриархальных дворянских гнезд начались страшные семейные драмы, разрывы отцов с детьми, безжалостная ломка старых прогнивших устоев. Все перепуталось и все перемешалось... Лиза Калитина вместо того, чтобы идти в монастырь, остригла волосы и надела сарафан, отправилась в народ, в анатомический театр, холеные бабушкины внучки побежали с беспутным Маркушкой Волоховым в обрыв...⁴⁴ Этот вихрь, этот ураган сдвинул всю дореформенную Русь с ее исторических трех китов⁴⁵ и своей стремительностью напугал вчерашних деятелей. В числе напуганных был и Тургенев. Его эстетической душе были неприятны крайности освободительной эпохи; он не чувствовал в себе ни веры, ни сил для того, чтобы принять участие в общей ломке старого мира, с которым был связан и происхождением, и воспитанием, — и тихо отошел в сторону. Вскоре появился его знаменитый роман «Отцы и дети»,⁴⁶ где в образе Базарова⁴⁷ он пытается изобразить преобладающий тип того времени. Роман вызвал бурю негодования, в нем увидели карикатуру на молодое поколение.⁴⁸ Но если действительно Тургенев и имел сначала намерение изобразить в смешном виде новых людей (хотя в письме к Случевскому он сам отрицает это⁴⁹), то его огромный талант, художественное чувство меры, присущая ему честность и благородство натуры удержали его на границе шаржа, и в лице Базарова ему удалось верно схватить характерные черты нового человека, создать удивительно цельный и своеобразно красивый тип. Среди мягкотелых и слабовольных Кирсановых,⁵⁰ зараженных предрассудками отживающего мира, Базаров является действительно новой силой. От нее веет здоровой и непосредственной свежестью мысли и чувства; он не знает мучительных гамлетовских сомнений, бесплодной гамлетовской тоски; он знает, чего хочет, твердо идет к тому, чего хочет, а главное, верит в то, к чему идет и зачем идет... Но взаимное раздражение между «отцами» и «детьми» было так велико тогда, что Базарова не поняли, и Тургенев был объявлен чуть не мракобесом. И хотя Тургенев взял Базарова под свою защиту и в блестящих статьях истолковал его как новую демократическую силу, пришедшую на смену старой, аристократической,⁵¹ вокруг Тургенева надолго создалась атмосфера враждебности и отчуждения. С душевной болью он пишет свое «Довольно!»,⁵² но вскоре снова берется за перо и под влиянием пережитых обид и разочарований, поддавшись чувству личного раздражения, пишет новый роман, где все движение 60-х годов представляет в мутных и уродливых формах клубящегося дыма⁵³ и даже, вопреки своей гениально-художественной натуре, впадает в тон политического памфлета, изобразив русских эмигрантов в отталкивающе карикатурном виде, и не щадит при этом больного лирика Огарева, которого он вывел под именем Губарева.⁵⁴ Но время излечивает всякие раны, рассеивает многие заблуждения, и наступившая после бури освободительных лет реакция произвела также и в тургенев-

ской душе реакцию. Он начинает внимательно вглядываться в общественные течения русской жизни и, пораженный могучим движением русской молодежи «в народ»,⁵⁵ пытается отразить это новое явление в романе «Новь».⁵⁶ Но в это время он уже настолько оторвался от русской действительности и так далеко стоял от представителей движения в народ, что типы русских революционеров вышли у него бледными и притом в самом одностороннем освещении.⁵⁷ И все-таки настолько велика в Тургеневе сила художественного проникновения, что даже при всех перечисленных неблагоприятных условиях ему удалось подметить кое-какие характерные черты того типа, который в литературе и истории получил название «семидесятника».⁵⁸ Эти черты: болезненно-чуткая совесть, глубокое сознание ответственности перед народом, жажда самопожертвования и пламенный энтузиазм, не останавливающийся ни перед чем в достижении поставленной цели. Вот почему, несмотря на некоторые смешные стороны, которыми Тургенев наделил своих героев, они, точно так же как Дон-Кихот, вызывают не насмешку, а уважение. И читая «Новь», вы чувствуете, что Тургенев хотя и относится к ним с оттенком добродушной иронии, но и сам их уважает, и суровая Марианна, смешная и некрасивая Машурина, ограниченный фанатик Меркулов⁵⁹ вызывают в нем чувство, похожее на восхищение перед их цельностью, перед их нравственной силой. И нота примирения с этими Дон-Кихотами русской жизни, еще неясно звучащая в романе «Новь», выливается в полный аккорд в его известном стихотворении в прозе, где изображается русская девушка, бесстрашно переступающая мрачный порог,⁶⁰ за которым ждут ее отречение от личного счастья, забвение родины и друзей, клевета, измена и, наконец, ужасная безвестная смерть. Так, при конце дней, Тургенев понял своих прежних врагов и воздал им должное, и русское общество также поняло своего Тургенева и оценило его громадные заслуги перед Россией. Приезд его в Россию в конце 70-х годов был сплошной триумф, апофеоз славы и преклонения, ряд восторженных оваций.⁶¹ Это был момент, когда молодая Россия и Россия старая, в лице лучших своих представителей, сошлись так близко, узнали и поняли друг друга и все друг другу простили. Ведь обе они, хотя и разными дорогами, но шли к одной и той же цели, туда, куда стремился смелый Сокол в песне М. Горького, — к Свободе! К Свету!⁶²

Эти ясные, светлые дни повторились для Тургенева еще раз, на Пушкинском празднике в Москве, в 1880 году,⁶³ и после этого началось его медленное умирание. Умирал он так же, как и Рудин, на чужбине, среди чужих людей, с которыми его хотя и связывали долголетние узы дружбы и привычки, но психология которых была чужда его русской душе. И он не был счастлив, он был одинок; но мысль его всегда стремилась к далекой родине. И если ему суждено было большую половину жизни прожить вдали от нее, то хоть мертвым он пожелал лежать в родной земле и завещал похоронить

себя на Волковом кладбище, рядом с Белинским. Умер он 22 августа, а 27 сентября его хоронили.⁶⁴ Я помню этот ясный, солнечный день, какие редко бывают в Петербурге. Мне пришлось быть в числе депутаток от женских медицинских курсов, и рано утром наша депутация отправилась с венком на Варшавский вокзал, откуда должно было прибыть тело. Перед этим по городу ходили смутные слухи, что не разрешат публичные похороны. И мы сильно сомневались, что нас пропустят на вокзал. Наши опасения сбылись. Но совсем по другим причинам: когда мы вышли на Забалканский проспект,⁶⁵ там оказалась уже такая масса народа, что невозможно было пробраться к вокзалу. Но вот появились конные жандармы и полиция, улицы были очищены, народ оттеснен к тротуарам, и вдали, в солнечных лучах, показалась траурная колесница. Точно ветер пронесся над толпой, и все головы обнажились... Тихо колыхая белыми перьями, двигалась колесница; за нею зеленел целый лес венков. Наша депутация присоединилась к процессии, и мы медленно пошли за гробом. Забалканский проспект, Загородный, Звенигородская улица — все это было запружено народом; люди шпалерами стояли на тротуарах, сидели на заборах, на решетках оград, за двойной стеной жандармов и полицейских. Полная тишина и молчание, только легкий шорох снимаемых шапок да глухое шарканье тысяч ног по камням мостовой. Это было грандиозное зрелище, и, казалось, весь Петербург собрался отдать последние почести великому художнику, бессмертному изобразителю русских «лишних людей», русских гамлетов и дон-кихотов. Да, они бессмертны. И вот уже 25 лет прошло со дня смерти Тургенева,⁶⁶ а они все еще живут между нами, ищут, страдают и борются за счастье русского народа. По-прежнему скитаются и гибнут на чужбине пламенные Рудины; умирают в голодных, зараженных деревнях честные и твердые Базаровы, стреляются усталые, потерявшие веру в себя и в свое дело Неждановы, и суровая Марианна, как крот, работает среди шума и грохота фабричной машины, и мечтательная Елена⁶⁷ уходит в туманную даль, к далеким братьям, которые сражаются за свою независимость... Всех их объединяет одна идея, одно стремление — к свободе, к свету. И пусть многие из них, как смелый Сокол, разобьют о скалы свою грудь, пусть сломают свои крылья в борьбе за народное счастье, — на их место явятся новые и, может быть, достигнут цели. Ибо, как сказал Тургенев, «любовь сильнее смерти, сильнее страха смерти, и только ею, только любовью держится и движется жизнь»!⁶⁸

¹ Возможно, аллюзия на стихотворение Н. М. Языкова «Песня» («Мы любим шумные пиры...», 1823). Повторяющийся в текстах Дмитриевой мотив противопоставления дворянской праздности народному делу.

² Ср.: «Мне необходимо нужно было удалиться от моего врага затем, чтобы из самой моей дали сильнее напасть на него. <...> враг этот был — крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил всё, против чего я решил бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примиряться... Это была моя аннибаловская

клятва <...>» (Тургенев И. С. Литературные и житейские воспоминания. Вместо вступления // ПССУП(2). Соч. Т. 11. С. 9).

³ Речь идет о повести Тургенева «Пунин и Бабурин» (впервые: *ВЕ*. 1874. № 4).

⁴ Речь идет о повести «Муму» (впервые: *Совр.* 1854. № 3). По свидетельству В. Н. Житовой, приемной дочери В. П. Тургеневой, и других современников, в повести описаны реальные события, происшедшие в доме матери Тургенева. См. подробнее: *Житова*. С. 76–82; см. также: ПССУП(2). Соч. Т. 4. С. 605. Воспоминания Житовой были впервые опубликованы в журнале «Вестник Европы» за 1884 г. (№ 11, 12), и Дмитриева могла их знать.

⁵ Сергей Николаевич Тургенев, отец писателя (1793–1834), считается прототипом Петра Васильевича в повести «Первая любовь» (впервые: *БдЧ*. 1860. № 3. Отд. I). Подробнее см.: ПССУП(2). Соч. Т. 6. С. 479–481.

⁶ Тургенев поступил на словесное отделение Московского университета в 1833 г., а в 1834 г., в связи с переездом семьи в Петербург, перешел на второй курс историко-филологического отделения Петербургского университета, который закончил в 1836 г.; 10 (22) июля 1837 г. получил степень кандидата философии. В 1838–1841 гг. слушал лекции в Берлинском университете. Вернувшись в Россию, безуспешно пытался заняться преподаванием философии. В 1843 г. поступил на службу в канцелярию Министерства внутренних дел (в чине коллежского секретаря) под начало В. И. Даля; уволился в 1845 г.

⁷ Точнее: «Что разумно — то действительно, что действительно — то разумно». Именно над этими словами иронизирует Тургенев в воспоминаниях о Белинском (ПССУП(2). Соч. Т. 11. С. 26).

⁸ Правильно: Егора Федоровича. Так (трансформируя имя Георг Фридрих) Гегеля называл Белинский. Дмитриева почти дословно, хотя и неточно, цитирует письмо Белинского к Боткину от 1 марта 1841 г.: «Благодарю покорно, Егор Федорыч, — кланяюсь вашему философскому колпаку <...>» (*Белинский*. Т. 12. С. 22).

⁹ «Виссарион Неистовый» — так иронично — по аналогии с героем поэмы Л. Ариосто «Неистовый Роланд», о рыцаре Круглого стола, — В. Г. Белинского называл Н. В. Станкевич, в литературно-философский кружок которого критик входил с 1833 г.

¹⁰ «Замолкни, Муза мести и печали!» — первая строка стихотворения Н. А. Некрасова, датированного 3 декабря 1855 г. «Поэтом „мести и печали“» назвал Некрасова в «<Речи по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве>» Тургенев (1880). См.: ПССУП(2). Соч. Т. 12. С. 348.

¹¹ Скабичевский Александр Михайлович (1838–1910/1911) — критик и историк русской литературы, принадлежал к либерально-народническому направлению, неоднократно писал о творчестве Тургенева (см.: *Еремин Ю. Г.* Скабичевский А. М. // *Тургенев. НИИМ(1)*. С. 375–378).

¹² Перефразированная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Благодарность» («За все, за все тебя благодарю я...», 1840).

¹³ Ср. с мнением А. И. Герцена: «Тургенев никогда не сгущает краски, не употребляет энергических выражений, напротив, он рассказывает совершенно невозмутимо, пользуясь только изящным слогом, что необычайно усиливает впечатление от этого поэтически написанного обвинительного акта против крепостничества» (*Герцен*. Т. 13. С. 177. Выделено нами. — *Г. М., Т. С.*).

¹⁴ Тургенева с Л. Н. Толстым связывали дружеские отношения, но разница в характерах и мировоззрении приводила к постоянным спорам и столкновениям. В 1861 г. в Степановке, имении А. А. Фета, между писателями произошла бурная ссора, едва не закончившаяся дуэлью. Поводом послужил разговор о воспитании дочери Тургенева, Полины, жившей в Париже. За ссорой последовал разрыв в отношениях, но невзирая на него, Тургенев пропагандировал за границей творчество своего бывшего друга и вечного оппонента. После многолетнего перерыва в отношениях Толстой обратился к Тургеневу в 1878 г. с примирительным письмом, на которое тот с радостью откликнулся (см. письмо Толстого к Тургеневу от 6 (18) апреля 1878 г.: *Тургенев. Переписка*. Т. 2. С. 138–139; а также: письмо Тургенева к Толстому от 8 (20) мая 1878 г.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 16. Кн. 1. С. 112–113). Тургенев побывал в Ясной Поляне, а перед самой своей смертью написал «великому писателю русской земли» свое знаменитое письмо с призывом вернуться к литературной деятельности (см.: *ПССиП(1). Письма*. Т. 13. Кн. 2. С. 180).

¹⁵ После организации А. И. Герценом «Вольной русской типографии» писатели регулярно виделись в Лондоне, куда Тургенев привозил материалы для «Колокола», выполняя поручения Герцена. Усилившиеся идейные расхождения и осуждение Герценом поведения Тургенева на допросе в Сенате в Петербурге (1864) по «Делу о лицах, обвиняемых в сношениях с лондонскими пропагандистами» («Процесс 32-х»; 1862–1865) привели к временному прекращению отношений. В 1867 г. Тургенев написал другу примирительное письмо (см.: *ПССиП(2). Письма*. Т. 6. С. 196–197), а в январе 1870 г. ежедневно навещал его в Париже в течение недели, во время предсмертной болезни Герцена.

¹⁶ Имеется в виду журнал «Современник», издававшийся в 1847–1866 гг., сначала совместно Н. А. Некрасовым и И. И. Панаевым, затем, с 1863 г., только Некрасовым. В 1847–1848 гг. идейным руководителем журнала был Белинский, а сам журнал отражал либеральные взгляды «людей 40-х гг.». В 1858–1862 гг. идейным руководителем журнала стал Н. Г. Чернышевский. Н. А. Добролюбов сотрудничал с журналом с 1856 г., а с конца 1857 г. и до середины 1861 г. возглавлял в нем «Литературно-критический отдел». В это время «Современник» считался органом революционной демократии, идеологов крестьянской революции. Прежние сотрудники либо отошли от «Современника» (Толстой — в 1858, Тургенев — в 1860), либо сократили свое участие в нем.

¹⁷ См. подробнее: *Островский А. Г. Тургенев в записях современников*. М., 1999. С. 324–329.

¹⁸ Повесть Тургенева «Ася» (впервые: *Совр.* 1858. № 1) вызвала оживленные споры и полемику в печати, начало которой положила статья Н. Г. Чернышевского «Русский человек на rendez-vous: Размышления по прочтении повести г. Тургенева „Ася“» (Атеней. 1858. № 18. Ч. 3. С. 65–89). Критик осудил поведение героя, сочтя его типичным для «лишнего человека», и придал повести политический смысл. В открытую полемику с Чернышевским вступил П. В. Анненков в статье «О литературном типе слабого человека (По поводу рассказа г-на Тургенева „Ася“» (Там же. № 32. Ч. 4. С. 322–350), в которой защищал героя повести и утверждал, что «круг так называемых *слабых* характеров есть *исторический* материал, из которого творится самая жизнь современности. Он уже образовал как лучших писателей наших, так и лучших гражданских деятелей, и он же в будущем даст основу для всего дельного, полезного и благородного» (С. 349–350).

¹⁹ Повесть Тургенева «Переписка» (впервые: *ОЗ*. 1856. № 1).

²⁰ Повесть Тургенева «Вешние воды» (впервые: *ВЕ*. 1872. № 1).

²¹ Роман Тургенева «Дым» (впервые: *РВ*. 1867. № 3).

²² Повесть Тургенева «Пунин и Бабурин» (впервые: *ВЕ*. 1874. № 4).

²³ Имеется в виду речь Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» (впервые: *Совр.* 1860. № 1).

²⁴ Обыграны два образа: пушкинского «рыцаря бедного» («Жил на свете рыцарь бедный / Духом смелый и прямой») и тургеневского Дон-Кихота («Смирный сердцем, он духом велик и смел»).

²⁵ Имеется в виду так называемое «мрачное семилетие» (1848–1855), последние годы царствования Николая I, считающееся одним из самых тяжелых периодов в истории русской журналистики и общественной мысли, когда либеральная жизнь ушла в литературно-художественные и философские кружки, салоны, журналы. Оно наступило вслед за «замечательным десятилетием», начало которого П. В. Анненков ведет со статьи В. Г. Белинского «Литературные мечтания. Элегия в прозе» (Молва. 1834), ставшей первым литературным выступлением критика. Водоразделом между этими двумя судьбоносными для идейной и литературной жизни России периодами стали европейские события 1848–1849 гг., то есть революции, охватившие Францию, Австрию, Пруссию, Италию, Чехию, Венгрию, Польшу, напугавшие власть в России.

²⁶ Неточная цитата из статьи Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот»; ср.: «...Гамлеты мыслящие, сознательные, часто всеобъемлющие, но также часто бесполезные и осужденные на неподвижность <...>» (*ПССиП(2)*. Соч. Т. 5. С. 340).

²⁷ См.: *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* «Люди 40-х годов». — Рудин // *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* История русской интеллигенции: Итоги русской художественной литературы XIX века. М., 1906. Ч. 1. С. 172. Неточная цитата, ср.: «В среде, где он (Рудин. — *Ред.*) хотел действовать, все эти духовные блага не имели цены, и неудивительно, что их представитель не мог, даже если бы обладал гораздо большею работоспособностью, цепкостью и практическим смыслом, осуществить в этой среде свою общественную стоимость, и под конец сам убедился в том, что он — „лишний“».

²⁸ Цитата из стихотворения Лермонтова «Благодарность» (1840); см. выше, примеч. 12.

²⁹ Герой повести Тургенева «Дневник лишнего человека» (впервые: *ОЗ*. 1850. № 4).

³⁰ Упоминается в повести «Дневник лишнего человека» как автор слов: «Съю рукопись. Читаль / И Содържаніе Онной Нѣ Одобрилъ / Пѣтръ Зудотѣшинъ / М М М М, Милостивый Государь / Пѣтръ Зудотѣшинъ. / Милостивый Государь мой» (*ПССиП(2)*. Соч. Т. 4. С. 215).

³¹ Неточная цитата из повести «Дневник лишнего человека»; см. выше, примеч. 30.

³² Главный герой одноименного романа Тургенева (впервые: *Совр.* 1856. № 1, 2).

³³ Персонаж одноименного рассказа Тургенева (впервые: *Совр.* 1849. № 2. Включен в цикл «Записки охотника» (1852)).

³⁴ Неточная цитата из рассказа «Гамлет Щигровского уезда»; ср.: «Так зачем же ты таскался за границу? Зачем не сидел дома да не изучал окружающей тебя жизни

на месте? <...> Я бы и рад был брать у ней уроки, у русской жизни-то, — да молчит она, моя голубушка» (*ПССУП(2)*. Соч. Т. 3. С. 260).

³⁵ Герой романа Тургенева «Новь» (впервые: *ВЕ*. 1877. № 1, 2).

³⁶ Неточная цитата из романа Тургенева «Новь»; ср.: «Вспоминай обо мне, как о человеке тоже честном и хорошем, но которому было как-то приличнее умереть, нежели жить» (*ПССУП(2)*. Соч. Т. 9. С. 379). Марианна — героиня романа «Новь».

³⁷ Слова А. С. Пушкина, известные в передаче Н. В. Гоголя: «...когда я начал читать Пушкину первые главы из „Мертвых душ“, в том виде, как они были прежде, то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачней, сумрачней, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: „Боже, как грустна наша Россия!“» (*Гоголь*. Т. 8. С. 294 («Выбранные места из переписки с друзьями»)).

³⁸ «Записки охотника» (1852) — сборник очерков и рассказов, составивших первое по времени крупное произведение Тургенева, положившее, по замечанию М. Е. Салтыкова-Щедрина, «начало целой литературе, имеющей своим объектом народ и его нужды» (*Щедрин*. Т. 9. С. 459). «Записки охотника» были представлены в Московский цензурный комитет и получили разрешение на издание 5 и 6 марта, но 16 апреля Тургенев был арестован и выслан в Спасское под надзор полиции за публикацию в Москве запрещенного цензурой в Петербурге письма на смерть Гоголя (см.: *ПССУП(2)*. Соч. Т. 11. С. 64–65 («Письмо из Петербурга»)). Печатание «Записок охотника» приостановлено не было, но, когда сборник вышел, началось секретное следствие по выяснению обстоятельств разрешения издания, которое завершилось увольнением московского цензора, князя В. В. Львова, и признанием сочинения Тургенева «неблагонадежным».

³⁹ *Виардо Мишель Фернанда Полина* (урожд. Гарсиа; 1821–1910) — выдающаяся французская певица (меццо-сопрано), пианистка, вокальный педагог и композитор, в том числе автор романсов на слова Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Фета. С 1839 г. солистка Итальянской оперы в Париже. В 1840 г. вышла замуж за директора Итальянской оперы Луи Виардо (1800–1883). В 1839–1861 гг. выступала на оперных сценах Европы; в сезоны 1843/44, 1844/45, 1845/46, 1852/53 гастролеровала в Петербурге и Москве; 1 ноября 1843 г. познакомилась в Петербурге с Тургеневым, что определило его личную судьбу. С этого времени большую часть жизни писатель провел возле семьи Виардо. В 1863 г. П. Виардо оставила сцену и посвятила себя педагогической деятельности. В 1871–1875 гг. преподавала пение в Парижской консерватории. Была прекрасной рисовальщицей; автор многочисленных портретных зарисовок, в том числе Тургенева.

⁴⁰ Тургенев был деятельным сотрудником журнала «Современник» в 1847–1860 гг., до разрыва на почве идеологических расхождений. Приход в журнал Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова привел к драматическому периоду «гражданской войны» в «Современнике», разгоревшейся между «дружеским кружком» и новыми сотрудниками. Статья Добролюбова «Когда же придет настоящий день?» (1860) о романе Тургенева «Накануне» послужила поводом к окончательному разрыву писателя с журналом.

⁴¹ «Буря и натиск» (*Sturm und Drang*) — литературное движение в Германии 1770-х гг., получившее название по одноименной драме Ф. М. Клингера (1752–1831); формировалось в полемике с эстетикой классицизма, проникнуто духом мятежа и

бунтарства. Дмитриева в своих текстах нередко использует данную формулу, применяя ее в переносном значении, как метафору для обозначения периодов общественной борьбы.

⁴² В России конца XVIII и XIX вв. человек, занимавшийся умственным трудом, не принадлежавший к дворянству, выходец из других сословий (купечества, мещанства, духовенства или мелкого чиновничества); обычно — носитель демократической идеологии.

⁴³ *Чернышевский Николай Гаврилович* (1828–1889) — русский писатель и философ-утопист, революционер-демократ; автор романа «Что делать?» (1863). Арестован в 1862 г. как «враг Российской империи», приговорен к пожизненной ссылке и каторге, однако срок каторжных работ был впоследствии сокращен до семи лет. Подвергнут гражданской казни (1864). Умер в Саратове. *Добролюбов Николай Александрович* (1836–1861) — русский литературный критик, революционный демократ. См. также примеч. 16. *Решетников Федор Михайлович* (1841–1871) — русский писатель, известность которому принес очерк «Подлиповцы» из жизни бурлаков, опубликованный в журнале «Современник» (1864); известен очерками из жизни рабочих. *Помяловский Николай Герасимович* (1835–1863) — русский писатель, автор незавершенных «Очерков бурсы» (1862–1863), печатавшихся в журналах «Время» и «Современник». *Успенский Глеб Иванович* (1843–1902) — русский писатель; автор серии очерков «Нравы Растеряевой улицы» (1866) и «Разорение» (1869), описывающих нравы городской бедноты.

⁴⁴ Аллюзия на романы Тургенева «Дворянское гнездо» (1859) и И. А. Гончарова «Обрыв» (1869), а также на судьбы их персонажей. Отношение к выбору пути для своих героинь, не порвавших со средой, к которой они принадлежали, вызвало негативную оценку демократической критики, причислившей обоих писателей к консервативному лагерю певцов патриархально-дворянской жизни.

⁴⁵ Имеется в виду так называемая теория официальной народности, которая стала государственной идеологией русского самодержавия. Смысл ее заключался в совокупности трех тезисов: православие — основа духовной жизни народа, его нравственной чистоты и устойчивости; самодержавие — опора и гарант российской государственности, ее бытия, могущества и величия; народ российский по природе своей религиозен и царелюбив, предан самодержавию и православию, «един» с царем, как царь «един» с народом. Современники называли тезисы этой теории «уваровской троицей», поскольку именно С. С. Уваров (1786–1855) превратил их в целостную систему и, будучи министром просвещения (1833–1849), провозгласил непреложным руководством для народного образования, науки, литературы, искусства, воспитания молодежи — как «последний якорь спасения» России от всех и всяческих крамол, как «умственную плотину» против идей революции; см. подробнее: *Троицкий Н. А.* Россия в XIX веке. Курс лекций. М., 1997. С. 128 и др.

⁴⁶ Роман Тургенева «Отцы и дети» (впервые: *РВ*. 1862. № 2).

⁴⁷ Евгений Базаров — герой романа «Отцы и дети», вокруг образа которого развернулась основная полемика об этом произведении писателя. Д. И. Писарев давал апологетическую характеристику Базарова, чьи взгляды были созвучны его собственным (см.: *Писарев Д. И.* 1) Базаров // Русское слово. 1862. № 3; 2) Нерешенный вопрос // Там же. 1864. № 9–11 (впоследствии — Реалисты) и др.). Н. Н. Страхов, развивая идею о торжестве жизни над нигилизмом, высоко оценил личность Базарова, назвав его «титаном, восставшим против своей матери-земли» (см.: *Страхов Н. Н.*

«Отцы и дети» И. Тургенева // *Время*. 1862. № 4. Отд. II. С. 81). Ф. М. Достоевский с сочувствием писал о Тургеневе в «Зимних заметках о летних впечатлениях»: «Ну и досталось же ему за Базарова, беспокойного и тоскующего Базарова (признак великого сердца), несмотря на весь его нигилизм» (*Достоевский*. Т. 5. С. 59).

⁴⁸ Критик «Современника» М. А. Антонович (1835–1918) назвал «Отцов и детей» клеветой на молодое поколение и на современные направления, а Базарова — злостной карикатурой, в то же время считал роман панегириком «отцам» и отказывал ему в художественных достоинствах (см. подробнее: *Антонович М. А.* Асмодей нашего времени // Антонович М. А. Литературно-критические статьи. М.; Л., 1961. С. 35–93).

⁴⁹ «*Вся моя повесть направлена против дворянства как передового класса*. Вглядитесь в лица Н<икола>я П<етрович>а, П<авл>а П<етрович>а, Аркадия. Слабость и вялость или ограниченность. <...> если читатель не полюбит Базарова со всей его грубостью, бессердечностью, безжалостной сухостью и резкостью <...> я виноват и не достиг своей цели. <...> Мне мечталась фигура сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая из почвы, сильная, злобная, честная — и все-таки обреченная на погибель — потому, что она все-таки стоит еще в преддверии будущего <...>» (*ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 5. С. 58–59. Письмо от 14 (26) апреля 1862 г.).

⁵⁰ Кирсановы — Аркадий, его отец Николай Петрович и дядя Павел Петрович — персонажи романа «Отцы и дети».

⁵¹ См. статью Тургенева «По поводу „Отцов и детей“», а также «Предисловие к романам» 1880 г. (*ПССиП(2)*. *Соч.* Т. 11. С. 86–97; Т. 9. С. 394).

⁵² Повесть «Довольно» (впервые: *Тургенев И. С.* Сочинения. Карлсруэ, 1865. Ч. 5. С. 335–350), одно из самых автобиографичных и пессимистических произведений Тургенева.

⁵³ Имеется в виду роман Тургенева «Дым».

⁵⁴ Прообразом Губарева А. Мазон также называл Н. П. Огарева (см. подробнее: *Revue des études slaves*. 1925. Т. 5. Р. 261–263; *ПССиП(2)*. *Соч.* Т. 7. С. 511–512; см. также: *Чешихин-Ветринский В.* К созданию «Дыма» // Тургенев и его время / Под ред. Н. Л. Бродского. М.; Пг., 1923. Сб. 1. С. 293–295). Позднее, после обнаружения П. Уоддингтоном подготовительных материалов к «Дыму», предположение Мазона и других исследователей о том, что за криптонимом «О.» скрывался Н. П. Огарев, полностью подтвердилось (см.: *РЛ*. 2000. № 3. С. 108, 113).

⁵⁵ «Хожение в народ» — массовое движение демократической и революционной молодежи в деревню; началось весной 1873 г. и получило наибольший размах весной — летом 1874 г. Его целью были разъяснительная и агитационная работа среди крестьян, попытка сблизиться с народом и служить ему своими знаниями. Представители студенчества и интеллигенции отправлялись в деревню либо в качестве агитаторов, либо устраивались там на работу учителями, фельдшерами, писарями и пытались склонить народ к необходимости свержения царского строя, однако вера в царя оставалась непоколебимой, народников сдавали властям и к концу 1870-х гг. движение себя исчерпало.

⁵⁶ Авторская позиция в отношении романа «Новь» изложена Тургеневым в письме от 22 декабря 1876 г. (3 января 1877 г.) к М. М. Стасюлевичу: «Я решил <...> взять молодых людей, большей частью хороших и честных — и показать, что, несмотря на их честность, самое дело их так ложно и нежизненно, что не может не привести их к полному фиаско» (*ПССиП(2)*. *Письма*. Т. 15. Кн. 1. С. 268). Роман по-

началу восприняли преимущественно негативно, вокруг него развернулась бурная полемика, особенно болезненно к нему отнеслась радикальная народническая критика.

⁵⁷ Созданию положительного мнения о романе «Новь» способствовал «процесс пятидесяти» — судебное следствие над народниками-пропагандистами 21 февраля — 14 марта 1877 г., состоявшееся как раз в период публикации произведения Тургенева и оцененное публикой как доказательство правдивого изображения народничества писателем (см. подробнее: Статья С.К. Брюлловой о романе «Новь» // *ЛН*. Т. 76. С. 277–320; вступит. ст. и публ. Н. Ф. Будановой).

⁵⁸ Народничество как направление общественной мысли оформилось в 1860–1880-е гг.; имело несколько направлений, в том числе революционное и либеральное. Печатным органом либерального народничества был артельный журнал «Русское богатство» (1876–1918), который издавали Н. Н. Златовратский, С. Н. Кривенко, Е. М. Гаршин (в 1880-е гг.), Н. К. Михайловский, В. Г. Короленко, Н. Ф. Анненский (с 1893 г.). С этим журналом сотрудничала Дмитриева.

⁵⁹ Машурина, Меркулов, как и Марианна, — персонажи романа «Новь».

⁶⁰ Имеется в виду стихотворение в прозе «Порог», которое по цензурным соображениям не было напечатано вместе с остальными «Стихотворениями в прозе» в «Вестнике Европы» (1882. № 12), печаталось и распространялось нелегально. Известен список стихотворения, напечатанный вместе с прокламацией «Народной воли», написанной П. Ф. Якубовичем ко дню похорон Тургенева (листок назван: «И. С. Тургенев» и датирован: «25 сентября 1883 г.»). В русской легальной печати полностью появился в 1905 г. (*Венгеров С. Тургеневский «Порог» // Русское богатство*. 1905. № 11–12. С. 155–157).

⁶¹ Обосновавшись за границей, Тургенев тем не менее регулярно приезжал в Россию. Своего апогея чествования Тургенева во время его приездов на родину достигли в 1879 г. Писатель с небывалым успехом выступал перед московской и петербургской публикой на благотворительных вечерах и обедах, в Обществе любителей российской словесности, в Благородном собрании, встречался с профессорами Московского университета и со студентами. Современные очерку Дмитриевой отзывы об этом приезде см., например: *Стелькин Н. Я. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе* (С приложением семи его неизданных писем) // *РВ*. 1903. № 9. С. 61–93; см. также: *Ковалевский М. М. Воспоминания об И. С. Тургеневе // РусВед*. 1883. 27 сентября. № 265.

⁶² Впервые под названием «В Черноморье» с подзаголовком «Песня»: Самарская газета. 1895. 5 марта. № 50 (серия «Теневые картинки»).

⁶³ В тексте описка: «в 1881 году». В 1880 г. Тургенев участвовал в Пушкинских торжествах в Москве по случаю открытия первого в России памятника поэту. На торжественном заседании в актовом зале Московского университета Тургенев был избран (вместе с Я. К. Гротом и П. В. Анненковым) в почетные члены университета. Речь Тургенева о Пушкине в зале Благородного собрания 7 июня стала его триумфом, он был увенчан лавровым венком на публичном заседании Общества любителей российской словесности. Вечером 7 июня Тургенев встретился у памятника Пушкину с его автором, скульптором А. М. Опекушиным, подарившим ему незадолго до этого уменьшенную копию памятника. На следующий день, на заключительном литературном вечере в зале Благородного собрания, во время церемонии

шествия писателей, Тургенев опустил поднесенный ему венок к подножию пушкинского бюста, а Достоевский возложил свой венок на голову поэта. Несколько дней спустя Тургенев передал на Московскую пушкинскую выставку перстень Пушкина и прядь его волос, вделанных в медальон, вместе с пояснительной запиской. Впоследствии эти предметы были переданы П. Виардо, наследницей Тургенева, в Пушкинский музей Александровского лицея; перстень не сохранился (украден, по некоторым предположениям в 1917 г.); прядь хранится во Всероссийском музее А. С. Пушкина (Петербург).

⁶⁴ Предсмертная болезнь Тургенева (рак спинного мозга) дала о себе знать в начале 1882 г. Осень 1882 г. и зиму 1883 г. писатель проводит в Париже, перенеся в январе операцию по удалению неврома, а в апреле 1883 г. его перевозят в Буживаль. В августе 1882 г. он заканчивает повесть «После смерти» («Клара Милич»), диктует по-французски Полине Виардо автобиографический очерк «Пожар на море», а через несколько дней рассказ «Конец». Умер Тургенев в Буживале 22 августа (3 сентября) 1883 г., в понедельник, в 2 часа дня, в окружении семьи Виардо и в присутствии кн. А. А. Мещерского, оставившего воспоминания «Предсмертные часы И. С. Тургенева» (впервые: *НВр.* 1883. 3 (15) сентября. № 2629, в изложении Д. Р. Багницкого). Автором самых подробных и достоверных воспоминаний о последних днях Тургенева и его похоронах был редактор «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич (впервые: *ВЕ.* 1883. № 10, 11), свидетель последних дней жизни Тургенева, встречи тела писателя на русской границе и проводов его до Петербурга (все остальные подробности скрупулезно изложены им по рассказам очевидцев). В Буживале 23 августа (4 сентября) была отслужена панихида протоиереем Д. В. Васильевым (с причтом), специально приехавшим из Парижа; 26 августа (7 сентября) состоялось отпевание в русской церкви в Париже на улице Дарю. Панихида прошла и в Вержболове, на первой русской железнодорожной станции на границе, в местной церкви. Многотысячное траурное шествие состоялось 27 сентября (9 октября) в Петербурге; похоронен на Волковом кладбище.

⁶⁵ Ныне Московский проспект в Петербурге. Вся приведенная Дмитриевой топография свидетельствует о масштабе траурного шествия.

⁶⁶ Двадцатипятилетие со дня смерти Тургенева, исполнившееся 22 августа (3 сентября) 1908 г., было ознаменовано грандиозной выставкой в Петербургской Академии наук, проходившей 8–22 марта ст. ст. 1909 г., инициатором которой выступил в октябре 1908 г. Ф. А. Витберг. В выставке приняли участие: Императорская Академия наук (Библиотека, Рукописное отделение и Пушкинский Дом), Императорская Публичная библиотека, Императорский Исторический музей в Москве и Отделение при нем имени П. И. Щукина, Орловская Ученая архивная комиссия, Касса взаимопомощи учащихся в имп. Академии художеств и Петропавловская школа; из частных лиц — О. В. Галахова, Н. А. и А. Н. Хвостовы. В. Н. Мосина (урожд. Тургенева) и еще 75 лиц. Тогда же вышло подряд два издания «Каталога выставки в память И. С. Тургенева в императорской Академии наук» (СПб., 1909) (второе из них — с исправлениями), составленного Ф. А. Витбергом и Б. Л. Модзалевским (ныне — библиографическая редкость).

⁶⁷ Имеется в виду героиня романа «Накануне».

⁶⁸ Неточная цитата из стихотворения в прозе «Воробей» (впервые в составе первой части «Стихотворений в прозе»: *ВЕ.* 1882. № 12).